

П. И. Рысакова

Педагогический идеал системы образования в китайском обществе позднимператорского периода, XVIII–XIX вв.

Настоящая статья посвящена анализу ключевых тенденций в развитии системы китайского традиционного образования в период правления династий Мин-Цин. При опоре на социологическую теорию систем Лумана новации в образовании рассмотрены в более широком социальном контексте, а именно процесса функциональной дифференциации общества. Особое внимание уделено проблеме профессионализации и специализации педагогического идеала китайского образования, а также развитию нового медиа образовательной коммуникации.

Ключевые слова: новая история Китая, образование в Китае, социология образования, системная теория, Никлас Луман

Polina I. Rysakova

Educational aim in Late Imperial China

The article is devoted to the analysis of internal trends in the conceptual and organizational development of Chinese traditional education in late Ming-Qing period. On the basis of Luhmann's general system approach the new developments in education are considered in a wider social context, that is in the process of functional differentiation of Chinese society. A special attention is given to the problem of professionalization and specification of pedagogical ideal of Chinese education due to social and economic changes in late Ming-Qing period, as well as the development of new media of educational communication.

Keywords: modern history of China, education in China, sociology of education, system's theory, Niklas Luhmann

Предметом неутраченных дискуссий в современном востоковедении и, в частности, социологии остается проблема применения концептуального аппарата социогуманитарных дисциплин в исследованиях неевропейских обществ. Действительно, теоретико-методологический инструментарий западных социальных и гуманитарных наук был разработан при опоре на европейский культурно-исторический материал. Он неизбежно отражает специфику европейских обществ и зачастую оказывается мало применимым для анализа обществ азиатских и африканских. Вследствие такой ситуации востоковедные исследования сохраняют свой особый статус и развиваются во многом изолированно от общего русла социально-гуманитарной мысли. Их научные результаты, не будучи выраженными в терминологическом языке современных социальных наук, оказываются не всегда понятными для специалистов из смежной социально-гуманитарной сферы и в силу этого остаются мало востребованными.

Меж тем перспектива развития современных исследований азиатских обществ как раз и может быть связана с углублением междисциплинарных связей между востоковедением и комплексом социально-экономических, политологических и гуманитарных дисциплин. Такое сближение во многом облегчается нынешними тенденциями

в теоретико-методологическом развитии социальных наук – рефлексия «европоцентричности» западной социальной теории, разработка принципиально новых идеологически нейтральных теорий и концепций, позволяющих абстрагироваться от конкретики западных обществ. Активное применение такого методологического инструментария позволит открыть новые перспективы анализа восточных обществ, а также сделает результаты таких исследований более доступными для специалистов-востоковедов.

Одной из областей применения новейших социологических концепций может стать история китайского традиционного образования. Весьма примечателен тот факт, что в истории социологических исследований именно китайское общество неоднократно становилось объектом исследования или иллюстрирования каких-либо тезисов. Приведем лишь некоторые классические примеры: изучение типов бюрократии, а также конфуцианства и даосизма в контексте исследования хозяйственной этики мировых религий М. Вебера, «партикуляристско-достижительный» тип социальной структуры Т. Парсонса, «бюрократическая империя» Н. Лумана. Во всех этих исследованиях так или иначе затрагивалась проблема традиционного китайского образования, однако ни одно из них не обращалось к этой теме специально.

В настоящее время в исследованиях китайского образования обнаруживается тенденция относительного разделения сфер изучения между синологами историками и специалистами из смежных дисциплин. Проблемы социокультурной специфики китайского образования и особенностей его функционирования в традиционном обществе остаются по-прежнему сферой компетенции профессиональных синологов историков. Тогда как вопросы современного образования стали предметом отдельного изучения ученых, работающих в области сравнительной педагогики и социологии образования. Фокус их внимания обращен на актуальные темы современной образовательной практики – глобализация образования, развитие и интернационализация высшего образования, реформа учебных планов. При этом в исследованиях обнаруживается достаточно жесткий водораздел при осмыслении традиционных форм образования и современных, утвердившихся уже в XX в. во многом под влиянием западных моделей образовательных учреждений и управления образовательными практиками. История китайского образования предстает, таким образом, как состоящая из двух весьма принципиально различающихся периодов – традиционного и современного, историческая преемственность между которыми весьма условна.

И в этой связи весьма актуальным оказывается поиск единой теоретико-методологической рамки исследования, которая даст возможность разрешить несколько принципиально значимых затруднений. Во-первых, необходима единая методология, адекватная для изучения как традиционного, так и современного состояния китайского образования. Это позволит выявить преемственность в развитии образовательных практик и их организационных особенностей. Во-вторых, изучение образования с необходимостью должно учитывать связи образования с другими социальными подсистемами – семья, религия, политика, экономика. Таким образом появится возможность более глубоко выявить и концептуализировать социокультурную специфику именно китайского образования, отличающую его от европейского или иных примеров. В настоящее время анализ социокультурных особенностей китайского образования, как правило, исчерпывается общими характеристиками о роли государства и значении китайского государственного патернализма. В-третьих, большинство современных исследований образования преимущественно концентрируется на изучении образовательных организаций, будь то академии средневекового периода или школы и университеты западного образца, учрежден-

ные во второй половине XIX в. и далее. Меж тем, особенность образовательной коммуникации состоит в том, что она реализуется не только в рамках организаций, но и на уровне межличностного взаимодействия. История китайского образования дает нам много тому подтверждений – практика наставлений в семье, обучение ремеслу и профессии, ученичество и практика передачи канонического знания. Методология изучения образования как раз и должна учитывать такие формы обучения, поскольку зачастую именно в них впервые получали реализацию новые педагогические модели, изменившие впоследствии цели и содержание обучения.

На наш взгляд, такой новой теоретико-методологической основой изучения китайского образования может послужить теория социальных систем немецкого социолога Н. Лумана, вошедшего в историю теоретической социологии как автор системно-функциональной теории общества и неофункционального подхода к исследованию социальных изменений.

Луман рассматривает образование как функционально дифференцированную подсистему современного общества, выполняющую свою специфическую функцию. Функция системы воспитания по отношению к обществу в целом состоит в формировании личности, т. е. создании адекватной среды для других социальных систем¹. И здесь по сути дела отчетливо обнаруживается реинтерпретация в специфическом лумановском терминологическом аппарате классической для социологии образования трактовки функции системы образования как обновление условий общественного воспроизводства. Функционирование системы образования осуществляется на трех уровнях социальной реальности – микроуровне, мезо- и макроуровне. Микроуровень – это межличностная коммуникация, репрезентируемая в системе образования как «урок». Мезоуровень охватывает функционирование образовательных организаций. Макроуровень – коммуникативный – представлен на уровне общества и связан с саморефлексией системы образования о самой себе и обществе.

Функционально дифференцированная система образования современного общества обладает отчетливой внутренней структурой – собственной внутренней средой, генерализированным кодом, определенной формулой контингенции. Границы иерархических уровней ее функционирования – интеракции, организации, коммуникации – также четко определены.

Однако система образования обретает свои системное единство и отчетливую структуру только в процессе длительной социальной

эволюции. Согласно Луману, анализ социокультурной эволюции системы образования любого общества предполагает рассмотрение ее внутренней и внешней динамики развития. Внутренняя динамика развития функциональной системы – это, прежде всего, процесс ее само-тематизации. Этот процесс предполагает постадийное социокультурное вычленение смыслов системы и специфичной для нее среды. По мере обособления система выделяет свою проблемную область, т. е. делает объектом рефлексии собственные операции, собственные тематики. Разрабатывается «формула контингенции», вызревает бинарный код системы, оформляются специфичные для системы статусно-ролевые отношения.

Внешняя динамика системы образования определяется ее связью с другими общественными подсистемами. Здесь следует рассматривать то, каким образом система образования постепенно, в ходе историко-культурного развития общества приходит к вычленению специфичной для нее общественной функции, каким образом она выделяется и обособляется от других функциональных подсистем общества.

Особенность системы образования заключается в том, что она не определяет направление общественной эволюции. Ее функциональное обособление становится возможным лишь по мере усложнения общества – изменения типа социальной дифференциации и обособления таких подсистем, как экономика и политика.

Следует отметить, что теория Лумана содержит также и методологические указания на то, каким образом должно осуществляться подобное социологическое изучение эволюции системы образования и особенностей ее функционирования на каждом из этапов ее развития. Такое исследование в первую очередь предполагает реконструкцию педагогического идеала – самотематизации системы – и анализа деятельности образовательных учреждений. И в этом аспекте Луман в полной мере следует методологии основоположника социологии образования – Дюркгейма, согласно которому выявление динамики системы образования осуществляется при изучении педагогических концепций, а также функционирования образовательных организаций. Основное внимание следует сосредоточить на анализе содержания педагогического идеала и его динамики в силу следующих причин. Педагогический идеал – модель личности – представляет собой ту цель образования, которая реализуется в обществе на определенном этапе и отражает актуальные социальные потребности, которое общество предъявляет образованию. Динамика содержа-

ния педагогического идеала позволяет выявить направление общественного развития, обнаружить изменения в связях между общественными подсистемами и системой образования.

Широкие методологические возможности системно-функционального подхода в исследованиях образования мы продемонстрируем на примере реконструкции педагогического идеала китайской традиционной системы образования XVI–XVIII вв.

Обращение к анализу педагогического идеала китайского общества в период XVI–XVIII вв. обусловлено следующими обстоятельствами. Как правило, в современной синологической литературе, посвященной проблеме становления современной системы образования в китайском обществе, в качестве ключевого периода ее трансформации указывается вторая половина – середина XIX в., ознаменовавшаяся военным конфликтом с европейскими державами и последовавшими за этим реформаторскими движениями. Становление современной системы образовательных учреждений, во многом воспроизводивших западные образцы, как раз и было связано с этими реформаторскими движениями. Образование в предшествующий этому период рассматривается зачастую как сугубо традиционное и консервативное, затруднявшее общественное развитие. На наш взгляд, такая позиция отражает результаты исследований, в которых основное внимание сосредоточено на анализе государственной политики в сфере образования – системе государственных экзаменов, классических академий, элементов начального образования. Традиция частного образования или женского образования также рассматривается преимущественно сквозь призму их соответствия требованиям государственной образовательной политики. В силу такого угла зрения история китайского образования в новое время предстает как резкий скачок от сугубо консервативных форм к современным. Между тем модернизация китайского образования второй половины XIX в. вряд ли была возможна без тех внутренних тенденций развития, которые обнаруживаются в предшествующие периоды. Именно на выявление этих тенденций и направлено данное исследование.

Наше рассмотрение педагогического идеала китайской системы образования и его трансформации в период XVI–XVIII вв. необходимо предварить краткой характеристикой традиционного образования и характерного для него педагогического идеала.

Прежде всего следует отметить, что социокультурная специфика китайского традиционного общества заключалась в том, что роль

государственной идеологии в нем выполняла не религия, а социально-политическое учение конфуцианства. Именно это и предопределило характерную для китайского общества «эволюционную комбинацию» между системами политики и образования. Таким образом, функциональная дифференциация системы образования в китайском обществе разворачивалась в направлении ее обособления прежде всего от системы политики. В стратифицированном китайском обществе комбинация системы политики и образования проявилась прежде всего в нескольких аспектах. Роль преподавателя не была отделена от роли чиновника. Содержание образования и его цель определялись смыслами системы политики и были направлены на обслуживание потребностей государства. Социальное значение такого образования резко возросло в период династии Тан-Сун, в VII–XII вв., после окончательного утверждения меритократического принципа рекрутирования кадров чиновников и снижения роли социального происхождения как основания доступа к политической власти. Здесь мы имеем в виду внедрение практики государственных экзаменов на чиновничьи должности и правовые ограничения на их наследование. Именно в этот период образование начинает выполнять в китайском обществе идеологическую функцию – внедрение и обособление новых принципов социально-экономической иерархии. Образование стало рассматриваться как основание для достижения высокого социально-политического и экономического статуса. В целом образование продолжало выполнять эту функцию вплоть до конца XIX в. – начала XX в.

Принципиальные изменения во внутренней и внешней динамике развития традиционной китайской системы образования обнаруживаются в период XVI–XVIII вв. И впоследствии они имели решающее значение для изменений в этой сфере жизнедеятельности китайского общества в период второй половины XIX в., ознаменовавшейся масштабными реформаторскими движениями «за иностранные дела» и «за обновление».

В рассматриваемый нами период XVI–XVIII вв. обнаруживается тенденция расширения среды системы образования, выдвижения новой образовательной цели. Однако выявляемое в этот период уточнение системой образования семантики собственных процедур становится понятным только в контексте анализа социальных изменений, которые претерпело китайское общество в этот период. И здесь в первую очередь необходимо говорить о новациях в системе экономики китайского общества и их идеологической интерпретации.

В период XVI–XVIII вв. в китайском обществе отчетливо обозначаются две основные тенденции – изменение реального социально-экономического статуса группы «торговцев» и последующее концептуальное переосмысление их позиции в социальной иерархии. В это время впервые отчетливо выявляется несоответствие между фактическим экономическим положением торговцев и их официальным общественным положением, закрепленным в легитимированной конфуцианством традиционной иерархии. Торговля постепенно превращается в наиболее прибыльный вид экономической деятельности. Более того, занятие торговлей становится одной из важных стратегий упрочения социально-экономического статуса и его межпоколенной передачи, применявшихся элитами наряду с обретением образования и получением чиновничьей должности. Иными словами, начиная с XVI–XVIII вв. отчетливо обозначается тенденция размывания прежних отчетливых статусных различий между политической и образованной элитами – группой «служилых» и группой «торговцев»².

Следует отметить, что изменения, произошедшие в системе экономики, получили свое отражение и в идеологической сфере китайского общества.

В истории китайской философской и социальной мысли рассматриваемый период характеризуется значительным разнообразием школ в рамках конфуцианства. Основные направления конфуцианской мысли этого времени были представлены школами неоконфуцианства традиции Чжу Си и братьев Чэн (сунмин лисюэ, 宋明理學), а также новым направлением, получившим название «эмпирические исследования» (каоцжэн, 考證), сосредоточившимся на изучении канонических текстов периода династии Хань. В целях нашего исследования особую значимость обретает анализ тех направлений в рамках конфуцианства, идеологическое конструирование которых было сконцентрировано на разработке так называемого «практического знания» (實學). Именно на его основе уже позднее, в начале XIX в. сформировалось мощное идейное направление «учения об управлении миром» (цзиншичжисюэ, 經世之學)³, послужившее идеологической основой реформаторских движений второй половины XIX в.

Проблема «практического знания» объединяла достаточно большое число различных конфуцианских мыслителей. Их союз был направлен на идеологическую критику неоконфуцианства за его пренебрежение вопросами практического управления и излишнюю сосредоточенность на проблеме морально-этического совершен-

ствования. Основные усилия сторонники этого нового направления в конфуцианстве сосредоточили не на разработке доктрины управления, а на решении конкретных задач в государственном администрировании – управление бюрократическим аппаратом, налоговая политика, организация армии⁴.

В перспективе реинтерпретации педагогического идеала традиционной системы образования Китая и изменения его содержания «практическое учение» имело принципиальное значение. Дело в том, что в рассматриваемый период укрепляется тенденция государственного регулирования содержания и цели образования, которое было ориентировано на подготовку обучающихся к сдаче государственных экзаменов⁵. В период правления династии Мин и Цин складывается относительно завершённая система государственного образования, представленная учебными заведениями локального и центрального уровней. Обучение в них как раз и открывало возможность принять участие в государственных экзаменах. Частные учебные заведения, представленные академиями (шююань, 書院), также оказывались вовлечёнными в тенденцию «огосударствления» (гуаньхуа, 官化), постепенно подчиняя свои образовательные программы требованиям экзаменационной системы. Лишь немногие академии продолжали реализовывать прежнюю цель частного академического образования – постижение канона. В современной исследовательской литературе именно связь с экзаменационной системой и выступает основным критерием типологизации академий. Среди академий позднего периода различают те, которые были ориентированы на подготовку к экзаменам (каоши шююань, 考課式書院), и те, которые стремились реализовывать программы исследования канона (цзянсюэ шююань, 講學式書院)⁶. Идеиная направленность канонических исследований существенно варьировала: от исследований неоконфуцианства периода династии Сун-Мин, до новых направлений, такие как изучения канонических текстов периода династии Хань или «практические исследования».

Следует отметить, что сторонники «практического учения» предложили новое определение педагогического идеала, восстанавливавшее, по их мысли, изначальный образовательный замысел, содержащийся в конфуцианском каноне.

Необходимо отметить, что идеологи «практического учения» отнюдь не призывали к разрыву с традиционным конфуцианством, также как и не ставили под сомнение базовую ценность конфуцианства – канонические тексты. Они предложили включить в цикл изучаемых дисциплин и предметы так называемых «практических знаний» (шисюэ, 實學). К числу таких «практических знаний» относились естественнонаучные дис-

циплины – математика, астрономия, география, медицина, а также военное дело, основы ирригации и сельскохозяйственного производства⁷.

Идеологи «учения об управлении миром» выдвинули собственную образовательную программу и отчетливо обозначили способы ее практического воплощения. Одним из первых и основных пунктов этой программы стал проект по созданию новых академий. Обучение в новых академиях должно было выстраиваться в соответствии с их трактовкой и новым определением педагогического замысла. В XVII–XVIII вв. в экономически наиболее развитых регионах Китая по инициативе представителей этого нового направления конфуцианской идеологии были созданы соответствующие академии.

Наибольшую известность получила академия Чжаннань (漳南書院), созданная одним из влиятельных представителей «учения об управлении миром» – Янь Юанем (顏元, 1635–1704) и его ближайшим учеником Ли Гуном (李燾, 1659–1733).

В истории китайской образовательной мысли школа Янь Юаня и Ли Гуна расценивается в качестве яркого примера достаточно радикального переосмысления содержания и цели образовательного процесса. Центральные положения разработанной Янь Юанем образовательной программы отражены в уставах, в соответствии с которыми была организована педагогическая деятельность в организованном им учебном заведении.

Анализ текста устава академии показывает, что центральный тезис Янь Юаня заключался в том, что образовательная деятельность непременно должна иметь практическую направленность, без которой она лишена своего смысла и превращается в пустое времяпрепровождение. Именно ему принадлежит афоризм «обучение и практика едины»⁸ (學而必習, 習而必行). Словесное оформление выдвинутой Янь Юанем трактовки образовательной цели мало отличалось от традиционного конфуцианского определения – «воспитание совершенномудрых». Однако смысловое содержание выдвигаемого им определения «совершенномудрых» претерпело принципиальную реинтерпретацию. По мысли Янь Юаня, «совершенномудрым» может быть назван только тот, кто располагает навыками к практической управленческой деятельности, а не является исключительно знатоком конфуцианского канона⁹. Янь Юань выдвинул идеал чиновника, готового к непосредственной управленческой практике (цзинцичэнь, 經濟臣), действующего в интересах укрепления, обогащения и умиротворения государства (фу тянься, цян тянься, ань тянься, 富天下, 強天下, 安天下)¹⁰. Янь Юань подчеркивал, что именно подготовленные кадры

выступают условием успешности политической деятельности. Об этом также свидетельствует его высказывание, согласно которому «основой политики выступают таланты» (人才者, 政事之本也)¹¹. Однако в контексте нашего рассмотрения важно отметить, что такая позиция Янь Юаня говорит о том, что несмотря на акцентирование необходимости практической деятельности, мыслитель в целом сохранил традиционную трактовку цели образования как подготовку к управленческой государственной деятельности, не указывая напрямую о возможности реализации «таланта» в иных сферах, нежели политической.

Условием проведения в жизнь новой образовательной цели – как подготовки к практической деятельности, становилось радикальное обновление учебного плана. В перспективе социологической интерпретации процессов общественного становления современной функционально дифференцированной системы образования Китая необходимо вскрыть те идеологические ходы, благодаря которым осуществлялась трансформация традиционной системы образования. Одним из таких ходов следует считать, на наш взгляд, утверждение Янь Юаня о том, что предложенная им реинтерпретация педагогического идеала и новый учебный план академий были ни чем иным, как возвращением к первоистокам конфуцианства. Так, Янь Юань указывал, что разработанная им образовательная программа полностью воспроизводит древнекитайскую программу «шести искусств». По мысли Янь Юаня, помимо конфуцианских канонических текстов, следовало также изучать и «практические знания» – ряд естественнонаучных дисциплин¹².

Необходимо отметить, что выдвинутая Янь Юанем образовательная программа была реализована лишь в созданной им академии. Тем не менее, образовательные программы многих академий XVII–XIX вв. также претерпели существенные изменения. В учебный план академий были включены такие естественнонаучные дисциплины, такие как математика, астрономия¹³. И здесь надо подчеркнуть, что расширение образовательных программ академий осуществлялось в контексте одного из значимых явления интеллектуальной жизни китайского общества XVII–XVIII в. – активным освоением европейского научного знания и развитием китайской науки (西學東漸). В этой связи для нашего рассмотрения принципиально важно обозначить тот факт, что распространение и развитие научного знания сопровождалось и концептуализацией развития соответствующего образования. Те китайские мыслители, которые были включены в процесс освоения точных и естественных дисциплин, выступали с предложениями

о создании профильных учебных заведений, нацеленных на подготовку к научно-исследовательской деятельности. Наиболее яркими сторонниками такого изменения были известные китайские математики и астрономы, такие как Сю Гуанци (徐光啟, 1652–1633), Фан Ичжи (方以智, 1611–1671), Мэй Вэньдин (梅文鼎, 1633–1722)¹⁴. Выдвинутые ими образовательные проекты в определенной степени были реализованы уже позднее – на базе наиболее известных академий XIX в. Гуцзин (誥經精舍, 1800) и Сюэхайтан (學海堂, 1821), учрежденных как научно-исследовательские центры видным сановником Жуань Юанем (阮元, 1764–1849)¹⁵.

Другим направлением реорганизаторской деятельности идеологов «учения об управлении миром» стало создание учебных заведений начального уровня (и сюэ, 義學), предназначенных для обучения выходцев из экономически малозастойных слоев населения. Первые образовательные учреждения такого рода появились еще в XIV–XV вв., а широкое распространение они получили в XVII–XVIII вв. Эти школы создавались и финансировались поначалу местным чиновничеством и представителями экономических элит. В дальнейшем, в XVII–XVIII вв., они обрели поддержку центральной государственной власти.

Принципиальное значение имеет то обстоятельство, что инициаторами учреждения начальных школ выступили именно сторонники «учения об управлении миром». С точки зрения системно-функционального анализа первостепенную важность имеет идеологическая подоплека организации начальных школ. Начальные учебные заведения задумывались представителями «учения об управлении миром» как благотворительные образовательные учреждения, доступ к обучению в которых не регламентировался социально-экономическими критериями. Радикальным организационным нововведением в них стал разрыв образовательной программы школ с требованиями государственной экзаменационной системы¹⁶. В соответствии с замыслом конфуцианских идеологов, обучение в начальных школах было ориентировано сугубо на обретение практических навыков, необходимых для осуществления хозяйственной деятельности¹⁷. К таковым практическим навыкам причислялись овладение базовым уровнем грамотности, освоение основ математики, истории, географии¹⁸.

Радикальная трансформация внутренней формы традиционной системы китайского образования видится нам прежде всего в том, что в практику начальных школ были введены секулярные учебные пособия. Эти пособия, в отличие от традиционных конфуцианских, со-

держали только сведения по обозначенным в программе школ дисциплинам – математике, географии, истории. Отметим, что организационная деятельность традиционных учебных заведений также предполагала использование учебных пособий. Однако пособия эти были сугубо идеологическими, фундированными конфуцианским каноном. Так, в преподавательской практике многих академий и государственных школ использовалось учебное пособие под общим названием «Сясюэ» (小學), составленное средневековым неоконфуцианским мыслителем Чжу Си. Именно это пособие, содержащее краткое изложение основных доктринальных положений конфуцианства, было предписано для изучения в государственных учебных заведениях.

В XVII–XVIII вв. учебное пособие Чжу Си было практически изъято из учебного процесса начальных школ. Обоснованием этого изъятия служило указание конфуцианских мыслителей того периода на то, что употреблявшиеся в нем иероглифы слишком сложны для изучения и малоупотребительны в повседневной хозяйственной деятельности¹⁹. И здесь мы сталкиваемся с хорошо продуманным идеологическим ходом реорганизаторов традиционной системы образования – критике подвергается не содержание текста, а словесное его оформление и ссылка на современную повседневность. Вместо пособия Чжу Си в преподавании стали использовать вновь разработанные учебники, содержавшие иероглифы, обозначавшие названия животных, растений, рабочих инструментов и т. п.²⁰ Таким образом, реформированию подверглась не только организационная сторона учебного процесса, но прежде всего коммуникативная – язык преподавания.

И в этой связи следует подчеркнуть, что вновь введенные в начальное преподавание учебные пособия получили широкое распространение и за пределами собственно учебных заведений. Здесь мы имеем в виду прежде всего активную циркуляцию в период Мин-Цин таких групп текстов как «собрания иероглифов» (цзацзы шу, 雜字書) и «повседневных энциклопедий» (жюнь лэйшу, 日用類書)²¹. История возникновения этой категории текстов датируется достаточно рано – появление «собрания иероглифов» относят к периоду династии Хань, а «энциклопедий» – к периоду династии Сун-Юань²². Однако их повсеместное распространение относится именно к рассматриваемому периоду конца династии Мин – начала династии Цин.

«Собрания иероглифов» представляли собой зачастую иллюстрированные издания, объяснявшие значения различных иероглифов.

И здесь следует подчеркнуть, что отличительной особенностью поздних «собраний иероглифов» было как раз то, что они преимущественно содержали иероглифы, связанные по значениям с различными видами практической деятельности, но не категориями конфуцианского канона²³. Такие «собрания» функционировали не только как учебные пособия для детей, но и для взрослых, представлявшие низших социальных групп, не имевших экономических ресурсов для регулярного обучения. Характерно, что они использовались как в целях обучения грамоте, функционально необходимой для усложнявшейся социальной жизни, так и для освоения начальных профессиональных знаний, особенно связанных с сельским хозяйством и ремеслами²⁴.

Сходное назначение имела и вторая группа текстов – «энциклопедии». Их исключительно практическое назначение подчеркивалось выражением «для повседневных нужд», употреблявшемся в названии (жюнь лэйшу, 日用類書). Примечательно, что такого рода энциклопедии задумывались их авторами как предназначенные для самой широкой аудитории без относительно к сословным, возрастным, региональным различиям. Об этом свидетельствовали такие обороты в названии как «для удобного использования учеными – ши и простым людям», «для использования всеми четырьмя группами народа» (士民使用, 四民切用)²⁵. «Энциклопедии» включали сведения о географии, астрономии, астрологии, основам хозяйственной деятельности, сельскому хозяйству, геомантии, гаданиям, толкованиям снов, медицине. Характерно, что такие энциклопедии были призваны обеспечить читателя достаточным объемом знания для самостоятельного разрешения затруднения без обращения к помощи других, (бу цюэнь, 不求人), как в них указывалось.

Характерная для рассматриваемого нами периода тенденция укрепления практической направленности в образовании проявилась в развитии специального профессионального образования. Говоря о таком специализированном образовании, мы будем иметь в виду прежде всего обнаруживаемые в китайском обществе период династии Мин-Цин практики передачи специализированного знания, необходимого для осуществления профессиональной деятельности, а не участия в государственных экзаменах или канонических исследованиях. И здесь необходимо оговорить, что система китайского образования безусловно располагала традицией передачи технических или профессиональных знаний в области точных дисциплин, математики, астрономии, медицины. Однако преподавание этих дисциплин изначально находилось под государственным патронажем и осуществлялось

преимущественно в официально учрежденных учебных заведениях. Такое внимание со стороны государства объяснялось тем, что все эти дисциплины были теснейшим образом связаны с доктриной управления и имели политическое применение. Знания в этих областях применялись для составления календарей, предсказания небесных знамений. Таким образом, преподавание и развитие этих дисциплин было подчинено обслуживанию интересов государства по легитимации собственной власти²⁶.

В период династии Мин-Цин обнаруживается отчетливая тенденция развития профессионального образования вне контролируемых государством учебных заведений. Сложность изучения такого рода образования обусловлена прежде всего весьма скудной источниковой базой, на что и указывают исследователи²⁷. Ограниченность информации в источниках объясняется прежде всего тем обстоятельством, что такого рода обучение осуществлялось преимущественно вне рамок организованных учебных заведений, государственных или частных. В силу этого документы, подобны уставам академий, характеризующие учебный процесс, попросту отсутствуют. Отдельные сведения могут быть обнаружены в сочинениях различных общественных деятелей, представителей купечества, местных историях (дифанчжи, 地方志), клановых родословных (цзунпу, 宗譜, цзунде, 宗牒). Ценнейшим источником выступают собственно учебные пособия, специально созданные в это время и получившие широкое хождение.

Развитие профильного образования было обусловлено тенденцией профессионализации многих видов деятельности, прежде всего таких как преподавание, медицинская практика, юридическая работа в местных органах власти, и, конечно, коммерческая деятельность. Усложнение экономической и политической деятельности требовало и соответствующей специальной подготовки, без которой успешное осуществление этой деятельности вряд ли было бы возможным.

Активное включение образованной элиты в исполнение указанных видов деятельности во многом было обусловлено спецификой образовательной политики китайского государства династии Мин и Цин. Здесь мы имеем в виду, что центральные власти стремились сохранить привилегированный статус бюрократии через повышение образовательного ценза при назначении на должность, а также снижение квот на экзаменационные степени при общем росте количества экзаменуемых. В результате такой политики в XVI–XVIII вв. складывается значительная по своей численности образованная элита, представители которой обладали низшими и

средними экзаменационными степенями, но не имели доступа к государственной службе. Именно они и оказывались в первую очередь вовлеченными в новые виды профессиональной деятельности. Как указывают исследователи, большинство тех, кто осваивал новые виды деятельности, имели неудачный опыт участия в государственных экзаменах и в силу экономических причин были вынуждены искать новые возможности для заработка²⁸.

Осуществление новых видов профессиональной деятельности требовало и специальной подготовки. Для китайского общества традиционной формой распространения специализированного знания выступала изустная передача между представителями разных поколений в рамках одного клана (цзячуань, 家傳)²⁹. Однако именно в рассматриваемый нами период все больше утверждается практика передачи знания от учителя к ученику вне рамок одного клана (шичуань, 師傳). В немалой степени этому способствовало и широкое распространение специализированных учебных пособий, ставшее возможным с развитием коммерческого книгопечатания. Так, например, учебные пособия по медицине, получившие широкое хождение при династии Мин-Цин, предназначались уже для взрослой аудитории, имевшей базовую классическое образование. Учебный материал, как правило, имел стихотворную форму, что должно было облегчить его дословное запоминание и воспроизведение. В предисловиях к некоторым учебникам излагалась также последовательность и методика преподавания медицины: изучение пособий, участие и помощь в клинической практике, консультации относительно диагностики. Образование имело отчетливый практический характер и было нацелено на подготовку именно к освоению медицины как профессии, приносящей экономический доход³⁰.

В рассматриваемый период получает свое относительное оформление и специальное юридическое образование для подготовки клерков (мю, 幕友), работавших в органах местной власти и имевших непосредственное соприкосновение с рутинной юридической практикой. Процесс их обучения достаточно подробно описан в соответствующих исследованиях³¹. В целях нашего анализа необходимо отметить следующее. Как указывает Чжан Вэжень (Chang Weren), важным источником сведений о специфике и содержании профильной подготовки юридических клерков выступают сочинения двух наиболее известных представителей этой профессии – Ван Хуэйцзу (1730–1807, 汪輝祖) и Чэнь Тяньси (1885–1980?, 陳天錫). Несмотря на то, что они принадлежали разным столетиям, оба примерно сходным образом излагают этапы и

содержание своего обучения³². Это как раз может свидетельствовать о том, что в основных чертах профильное образование юридических клерков уже оформилось к XVIII в., и затем практически не изменялось. В основном оно состояло из теоретической части – изучение соответствующих материалов, текстов законов, – а также практической – помощь наставнику в делопроизводстве. Важно отметить, что в учебном процессе активно использовались и специальные учебные пособия, подготовленные наставником (шие, 師爺). К такого рода учебным пособиям относят рукописные тексты, в которых наставник излагал собственный опыт юридической работы (мибэнь, 秘本). Также имел хождение целый ряд печатных изданий, таких как «Конспект наставника по судопроизводству» (синмуяолюэ, 刑幕要略), «Основы для советника» (синмуцзюйяо, 幕學舉要)³³.

Сходным образом постепенно оформлялось и специальное образование для представителей купеческих кланов, занятых в коммерческой деятельности. Изменения в статусе купцов, реинтерпретация ими собственного положения и социальной значимости их деятельности неизбежно вели и к переосмыслению проблемы подготовки соответствующих кадров. Специфика образовательных деятельности купеческих кланов стала объектом отдельного исследования ряда значимых монографии³⁴. Как правило, в фокусе внимания ученых оказываются стратегии торговых кланов, направленные на укрепление собственного положения через апелляцию к классическому конфуцианскому образованию и участию в системе государственных экзаменов. Однако купеческие кланы прилагали немалые усилия для развития профильного специализированного образования, имеющего целью подготовку будущих профессиональных кадров. Наш интерес к аспектам реализации профильного образования обусловлен прежде всего тем, что именно развитие такого рода образование свидетельствует об изменении отношений между системами образования, политики и экономики. Начавшая свое обособление система экономики все более нуждается в соответствующих профильных кадрах, предъявляя это требование к системе образования, которая не может более учитывать лишь нужды политической системы.

Профильная подготовка юных представителей купеческих кланов осуществлялась преимущественно в аспекте тех областей знания, которые необходимы для профессиональной деятельности. В основном внимание уделялось обучению таким предметам, как письмо и грамотность, математика, устный счет и счет на счетах (чжусуань, 珠算), основы экономических

знаний – правила заключения сделок, ценовые колебания, динамика спроса и предложения, а также география, климатология, основы первой медицинской помощи³⁵. Последние предметы были весьма актуальны в связи с регулярными путешествиями купцов при осуществлении межрегиональной торговли. Купцы провинции Шэньси, осуществлявшие приграничную торговлю, осваивали также иностранные языки – монгольский и русский. Некоторые исследователи, подчеркивая высокий уровень развития профессионального образования в купеческой среде, говорят даже о существовании частных клановых специализированных школ, обучение в которых как раз было направлено на подготовку к коммерческой деятельности³⁶. Тем не менее, недостаточность источниковой базы заставляет относиться к таким утверждениям с некоторой осторожностью.

С большей степенью уверенности можно говорить о том, что передача профильного знания осуществлялась либо изустно от старших членов клана к младшим, либо путем изучения специальных учебных пособий (шанъе шу, 商業書). Один из ведущих исследователей купеческого образования в поздней императорском Китае Ли Линься выделяет три группы такого рода пособий в зависимости от их содержания: пособия, содержащие сведения об основных сухопутных и морских торговых маршрутах, пособия, концентрировавшиеся на экономических знаниях, пособия смешанного типа³⁷.

Немаловажной формой обучения выступала непосредственная практическая деятельность в статусе помощника в лавке или при сопровождении купца в торговом путешествии. Как правило, молодой человек по достижении шестнадцатилетнего возраста, в случае если он не демонстрировал выдающихся успехов в освоении классического образования, отправлялся на обучение помощником (хоцзи, 伙計) при старшем члене клана, уже на практике осваивая азы профессии³⁸. Надо отметить, что китайские исследователи всемерно акцентируют значимость такой практики подготовки к будущей профессиональной деятельности, свидетельствующей об институционализации новых форм образования, отвечающего требованиям усложнения и профессиональной деятельности, которое не могло быть реализовано в рамках классического конфуцианского образования³⁹.

Отдельно следует сказать и о профессионализации педагогической деятельности. Безусловно, преподавание в учебных заведениях различного уровня зачастую выступало наиболее вероятной альтернативой чиновничьей службе. Активное распространение высшего и началь-

ного образования в период династии Мин-Цин порождало настоящий спрос на преподавателей, готовых работать в вновь созданных академиях, клановых школах. Основной тенденцией в этот период выступает коммерциализация преподавания, окончательное превращение его в профессию, приносящую доход. Как правило, преподавателя специально приглашали в созданную влиятельными кланами частную начальную школу (кайгуань, 開館). Однако в минское время и позднее не редкими были случаи, когда будущие преподаватели сами открывали школы, активно приглашая и принимая учеников (чугуань, 處館)⁴⁰. Коммерциализация преподавания, особенно в начальных школах, встречала и отчетливую социальную критику. В сочинениях мыслителей того времени преподавание как «путь учителя» (шидао, 師道) язвительно обозначается как «путь рынка» (шидао, 市道)⁴¹. Однако наряду с тенденцией коммерциализации в это период обозначается и стремление к выработке определенных стандартов профессиональной деятельности и практики преподавания. Частично на это указывает появление в 1673 г. в провинции Аньхуэй сообщества преподавателей начальных школ, подготовивших своего рода устав (шущзянгуэйюэ, 塾講規約), регламентировавший как требования к моральным и профессиональным качествам педагога, так и содержание начального обучения, последовательность изложения материала⁴².

В целом следует отметить, что социальное положение тех групп профессионалов, которые мы рассмотрели выше, оставалось достаточно низким, на что указывают исследования⁴³. Относительным исключением была, на наш взгляд, торгово-коммерческая деятельность именно в силу неоспоримо высокого экономического статуса торговцев в период династии Мин-Цин и все более распространявшегося утверждения о равной значимости и престижности торговли и государственной службы как вариантов профессиональной карьеры. В рассматриваемый период были весьма нередки случаи, когда представители торгового сословия, даже достигнув определенных успехов на государственных экзаменах, в итоге обращались к предпринимательской деятельности.

Однако в целом сохранение в рамках государственной управленческой практики системы государственных экзаменов делало привлекательным только один вид образования, а именно классическое конфуцианское каноноведение. Именно такого рода подготовка и открывала путь к продвижению по социальной иерархии, обретению социального престижа, более высокого экономического и политического статуса,

а также правовых гарантий этого статуса. В этих обстоятельствах любой другой тип образования, не нацеленный на подготовку к государственным экзаменам, оказывался изначально лишенным социальной привлекательности. И уже много позже во второй половине XIX в. лидеры реформаторских движений, учреждавшие профессиональные учебные заведения нового типа, приложили немало усилий для упрочения высокого социального статуса их выпускников.

Тем не менее социально-экономическое развитие китайского общества периода династии Мин-Цин, усложнение управленческой практики и экономической деятельности с неизбежностью требовало развития и новых форм образования, что мы и продемонстрировали выше. Эти новые требования оказали существенное влияние на уточнение и развитие выдвигаемого китайской системой образования педагогического идеала.

В период XVI–XVIII вв. педагогический идеал, разработанный средневековой системой китайского образования, подвергся радикальной реинтерпретации. Принципиальной инновацией в трактовке педагогического идеала стал отказ от осмысления этической компоненты. Изменению подвергся, по сути дела, тип рационализации образовательной деятельности. В традиционной системе китайского образования коммуникативный дискурс о педагогическом идеале базировался на этической рационализации воспитательной деятельности. В рассматриваемый нами период выдвигается новый идеал – образование должно удовлетворять экономическим запросам и потребностям страны.

В XVI–XVIII вв. обозначается отчетливая тенденция постепенного освобождения семантики системы китайского образования от положений конфуцианской доктрины. Содержание образования не исчерпывается более лишь изучением конфуцианского канона, а расширяется за счет включения целого ряда естественнонаучных дисциплин или профильного знания. Образовательная цель все более трактуется как прежде всего подготовка прежде всего к практической деятельности, а не достижение морально-этического совершенства и последующего участия в политической деятельности. Таким образом, начало внутренней трансформации традиционной системы китайского образования было обусловлено изменением типа рационализации педагогического идеала и отказом от легитимации его содержания через апелляцию к текстам конфуцианского канона.

Акцент на подготовку к практической деятельности как цели образования свидетельству-

ет о постепенном продвижении системы образования к реализации собственной социальной функции – созданию адекватной среды для других общественных подсистем. Образование не нацелено более лишь на воспитание кадров для политической системы. Оно все более ориентируется на обеспечение функционирования и других подсистем, и прежде всего экономики. Подготовка к профессиональной деятельности становится одной из основных задач, которую начинает выполнять система образования, стремясь обойти политическую регламентацию, навязываемую ей через систему государственных экзаменов. И в этой связи можно отметить, что разворачивавшиеся в среде интеллектуальной элиты дискуссии о необходимости реформирования экзаменационной системы как раз и отражают данную тенденцию.

Следует подчеркнуть, что рассматриваемый период новые формы образования реализовывались преимущественно в сфере частного образования, в меньшей степени регулируемого системой политики. Традиционно эта сфера образования была тесно связана с деятельностью различных кланов, заинтересованных в обеспечении образованием своих молодых представителей. Вместе с тем в период династии Мин-Цин развитие системы образования осуществляется в направлении отделения собственных коммуникаций от системы семьи. В первую очередь это проявилось в обособлении профильного образования. Развитие массового и недорогого книгопечатания сделало возможным популяризацию соответствующих учебных пособий, что позволило существенно расширить аудиторию образовательной коммуникации, освободить ее от налагаемых системой семьи ограничений. Образовательная коммуникация все больше освобождается от пространственно-временных рамок, характерных для коммуникации на уровне интеракции. Характерно, что расширение аудитории обеспечивалось также за счет существенного упрощения языка как основного медиа коммуникации, адекватного для восприятия более широкой аудиторией, нежели образованная элита. Мы не располагаем достаточной источниковой базой, чтобы говорить о выделении организационного уровня профильного образования, однако можно с уверенностью говорить о том, что в период XVI–XVIII вв. среда системы интеракции на тему профильного образования уже выстраивалась в соответствии с собственными критериями системы образования, а не системы семьи. Иными словами, утверждение книгопечатания как медиа пространства и последовавшее за этим распространение печатных пособий и учебников

положило начало постепенному обособлению системы образования от системы семьи.

Таким образом, принципиальные изменения в сфере образования, обозначившиеся период в XVI–XVIII вв. – а именно, реконцептуализация образовательного идеала, уточнение семантики собственных процедур, и сделали возможным уже дальнейшее организационное оформление этих новаций, реализация которого и стала первоочередной задачей реформаторов второй половины XIX столетия. Именно эти изменения и заложили основы стремительного процесса превращения традиционной системы китайского образования в современную функционально дифференцированную систему китайского общества XX в.

Примечания

¹ Luhmann N., Lenzen D. Das Erziehungssystem der Gesellschaft. Frankfurt am Main, 2002; Luhmann N., Schorr K.-E. Problems of Reflection in the System of Education / transl. by R. Neuwirth. New York, 2000.

² Chinese local elites and patterns of dominance / ed. by M. Rankin, J. W. Esherick. Taipei, 1994. P. 331.

³ Энциклопедия китайского конфуцианства. Пекин: Изд-во кит. энцикл., 1997. С. 38–39. На кит. яз. (中國儒學百科全書, 北京市: 中國大百科全書出版社, 1997, 頁38–39).

⁴ Вэй Чжэнтун. История китайской мысли в XIX в. Тайбэй, 1991. Т. 1. С. 44–45. На кит. яз. (韋政通. 中國十九世紀思想史(上), 台北市, 1991, 頁44–45); Чжан Хао. Попытка объяснения направления цзинши в конфуцианстве периода династии Сун-Мин // Направление цзинши в Китае нового времени: сб. материалов конф. Тайбэй: Ин-т новой истории Акад. Синика, 1984. На кит. яз. (張灝, 〈宋明以來儒家經世思想試釋〉, 《近世中國經世思想研討會論文集》, 台北: 中央研究院近代史研究所, 1984年).

⁵ Исследование истории образования в Китае, период династии Мин-Цин / гл. ред. Чжоу Дэчан, Ван Цзяньцзюнь. Шанхай: Изд-во пед. ун-та Хуадун, 2009. С. 18–20. На кит. яз. (中國教育史研究·明清分卷·分卷主編: 周德昌, 王建军, 上海, 华东师范大学出版社, 2009年, 頁18–20).

⁶ Там же. С. 68–74; Ли Бин. Исследование взаимосвязи между академическим образованием и экзаменационной системой. Тайвань: Тайван. ун-т, 2009. На кит. яз. (李兵: 書院教育與科舉關係研究, 台灣大學出版中心, 2009年).

⁷ Вэй Чжэнтун. Указ. соч. С. 21–22; Ли Гоцзюнь. История академического образования в Китае. Чанша: Хунан. пед. изд-во, 1994. С. 868. На кит. яз. (李國均. 中國書院史. 長沙: 湖南教育出版社, 1994. 頁868).

⁸ Ли Гоцзюнь. Указ. соч. С. 869.

⁹ Там же. С. 870.

¹⁰ История философии образования в Китае / гл. ред. Чжан Жуйфань. Шаньдунь: Шаньдун. пед. изд-во, 1999. Т. 3. С. 336. На кит. яз. (中國教育哲學史(第三卷), 主編: 張瑞璠, 山東教育出版社, 1999年, 頁336).

¹¹ Там же. С. 335.

- ¹² Ли Гоцзюнь. Указ. соч. С. 870–871.
- ¹³ Jami C. Learning mathematical sciences during the Early and Mid-Ch'ing // *Education and society in Late Imperial China, 1600–1900* / ed. by B. A. Elman, A. Woodside. Taipei, 1996.
- ¹⁴ Исследование истории образования в Китае. С. 311–317.
- ¹⁵ Там же. С. 294–300.
- ¹⁶ Leung Angela Ki Che. Elementary Education in the Lower Yangtze Region in the Seventeenth and Eighteenth Centuries // *Education and society in Late Imperial China, 1600–1900* / ed. by B. A. Elman, A. Woodside. Taipei, 1996. P. 387; Woodside A. Some Mid-Qing theorists of popular schools: their innovations, inhibitions and attitudes toward the poor // *Modern China*. 1983. Vol. 9, № 1. P. 13.
- ¹⁷ Leung Angela Ki Che. Op. cit. P. 395.
- ¹⁸ Ibid. P. 396.
- ¹⁹ Ibid. P. 395.
- ²⁰ Rawski E. S. Education and Popular Literacy in Ch'ing China. Michigan, 1979. P. 133.
- ²¹ «Энциклопедии» и «Собрания иероглифов» как значимые исторические первоисточники были введены в научный оборот японскими исследователями, в частности Тадао Сакай (酒井忠夫), который как раз рассматривал их в контексте изучения истории образования в период династии Мин. В настоящее время данная группа источников преимущественно исследуется в контексте развития простонародной культуры и литературы.
- ²² Гу Юэцинь. «Собрания иероглифов» (цзацзы) как простонародное учебное пособие в период Мин-Цин // *Вопр. ист. педагогики*. 2008. № 2. На кит. яз. (顾月琴: 明清时期民间识字教材-杂字, «历史教学问题», 2008年, 第2期); У Хуэйфан. Конструирование и трансляция повседневного простонародного знания в период Мин-Цин. Тайбэй: Тайван. ученик, 2007. С. 21. На кит. яз. (吳蕙芳: 明清以來民間生活知識的建構與傳遞, 台灣學生, 台北, 2007年, 第21頁).
- ²³ Гу Юэцинь. Специализированные знания в древне-китайских простонародных пособиях «собрания иероглифов» // *Вестн. Хэбейск. пед. ун-та. Сер. «Педагогика»*. 2008. Т. 10, вып. 11, ноябрь. На кит. яз. (顾月琴: 我国古代民间杂字教材中的职业教育, «河北师范大学学报 / 教育科学版», 2008年11月, 第10卷, 第11期).
- ²⁴ У Хуэйфан. Указ. соч. С. 103–119; Tadao Sakai. Confucianism and popular educational works // Bary W. De. *Self and society in Ming thought*. New York; London: Columbia Univ. Press, 1970, P. 335.
- ²⁵ У Хуэйфан. Указ. соч. С. 79.
- ²⁶ Jami C. Op. cit.; Crossley P. K. Manchu education // *Education and society in Late Imperial China, 1600–1900* / ed. by B. A. Elman, A. Woodside. Taipei, 1996.
- ²⁷ Chang Weren. Legal education in Ch'ing China // *Education and society in Late Imperial China, 1600–1900* / ed. by B. A. Elman, A. Woodside. Taipei, 1996. P. 297–298; Ван Бинчжао. Историческое осмысление проблем профильного специального образования в Китае // *Вестн. образования*. 2005. Т. 1, вып. 2. С. 3. На кит. яз. (王炳照: 中国职业技术教育问题的历史反思 «教育学报» 第1卷, 第2期, 2005年, 頁3).
- ²⁸ Лю Сяодун. Частные начальные школы биши минского времени и социальные низы. Пекин: Коммер. изд-во, 2010, С. 79–86. На кит. яз. (劉曉東: 明代的塾師與基層社會, 商務印書館, 北京, 2010年, 頁79–86); Лю Цзиньлун, У Гуанхуэй. Судебные клерки и юридическое образование в период Цин // *Вестн. Акад. Цзюцзян*, 2007. Т. 26, вып. 2. На кит. яз. (劉錦龍吳光輝: 刑名幕友與清代法律教育, «九江學院學報» 第26卷, 第2期, 2007年); Chang Weren. Op. cit. P. 303; Leung Angela Ki Che. Medical instruction and popularization in Ming-Qing China // *Late Imperial China*. 2003. Vol. 24, № 1, june.
- ²⁹ Лю Цзиньлун, У Гуанхуэй. Указ. соч. С. 65; Leung Angela Ki Che. Women practicing medicine in Pre-modern China // *Chinese women in the Imperial Past: new perspectives* / ed. H. T. Zurndorfer, Leiden; Boston: Brill, 1999. P. 126.
- ³⁰ Leung Angela Ki Che. Medical instruction and popularization in Ming-Qing China.
- ³¹ Chang Weren. Op. cit.; Гао Хуаньюэ. Исследование судебных клерков при династии Цин. Пекин: Изд-во Ун-та политики и права, 2000. На кит. яз. (高浣月: 清代刑名幕友研究, 北京, 中國政法大學出版社, 2000年).
- ³² Chang Weren. Op. cit. P. 303.
- ³³ Гао Хуаньюэ. Указ. соч. С. 160–170.
- ³⁴ Ли Линьци. Торговцы области Хуэй и образование в период Мин-Цин. Ухань: Хэбейск. пед. изд-во, 2001. На кит. яз. (李琳琦: 徽商与明清徽州教育, 武漢, 湖北教育出版社, 2001年); Экономическая жизнь Китая нового времени и клановое обучение / гл. ред. Дин Ган. Шанхай: Шанх. пед. изд-во, 1996. На кит. яз. (丁剛主編: 近世中國經濟生活與宗族教育, 上海, 上海教育出版社, 1996年).
- ³⁵ Подробно см.: Ли Линьци. Указ. соч. С. 199–206; Lufano R. J. Honorable merchants: commerce and self-cultivation in Late Imperial China. Honolulu: Univ. of Hawai'i Press, 1997.
- ³⁶ Цяо Нань. Первичное исследование системы домашнего обучения в купеческих кланах провинции Шаньси в период Мин-Цин // *Теория и практика образования*. 2007. Т. 27, вып. 11. На кит. яз. (乔南: 明清山西商人家庭教育制度初探, «教育理论与实践», 第27卷, 第11期, 2007年).
- ³⁷ Ли Линьци. Указ. соч. С. 200.
- ³⁸ Там же. С. 214–215.
- ³⁹ Лю Шинэн. Профильное обучение купцов области Хуэй и анализ его социального контекста // *Форум проф. образования*, 2005. № 4. На кит. яз. (刘诗能: 徽商商业教育发展及其社会背景分析, «职教论坛» 2005年04期); Юй Инши. Клановая этика в Китае нового времени и дух купечества. Тайбэй, 2004. С. 153–155. На кит. яз. (余英時: 中國近世宗教倫理與商人精神, 台北, 2004年, 頁153–155).
- ⁴⁰ Лю Сяодун. Указ. соч. С. 63–64.
- ⁴¹ Там же. С. 144–145.
- ⁴² Ли Линьци. Указ. соч. С. 87.
- ⁴³ Лю Сяодун. Указ. соч.; Гао Хуаньюэ. Указ. соч.